

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Да здравствует лифт!

Это произошло несколько лет назад. Я собирался в отпуск.

Была суббота. В городе стояла обычная июльская жара, от которой можно было спастись только в помещениях с кондиционерами. Даже в коридорах было жарко и душно.

Отпросившись у Панкратыча с работы до обеда, я мотался по магазинам, загружая свою любимую отпускную сумку «радость оккупанта» всем, что может пригодиться на море. Сумка постепенно заполнялась... всякие пластиковые пакеты — все должно быть разложено, мыло, зубную пасту-щетку, салфетки, крем от загара, шорты, майки, полотенце, — и так далее. Воды взял всего одну полуторалитровую бутылку — в дороге всегда можно купить свежую и прохладную минералку. В одном из магазинов мое внимание привлек прекрасный надувной матрац — прикупил и его. Купил легкий тормозок на дорогу — немного сухой колбаски, твердого сыра и сайку. Презервативы не взял — на месте найдутся. Ой, знал бы я...

На работе я нарвался на плохое настроение Панкратыча. Панкратыч — наш шеф, Панкратов Гриша, мужик хороший, но временами на него находит. Оказалось, что таких разгильдяев, как я, нужно держать в поводе, иначе они садятся на голову. Среди множества дел, которые я до сих пор не сделал, но уже собрался в отпуск, почти все можно сделать и после отпуска, но инструкция к моей последней программе ждать никак не может. По совести, я давно ее должен был написать, и Панкратыч, воспользовавшись моментом, наконец, загнал меня в угол... — Макс, до утра времени много. Хочешь в отпуск — все успеешь сделать, нет — пеняй на себя. Деваться было некуда. До конца дня я работал, не поднимая головы. Жизнь в отделе постепенно замирала. Последней ушла Ириша, бросив на меня сожалеющий взгляд — мы с ней после работы иногда трахались. Ириша была так же одинока, как и я, никаких чувств вроде любви между нами не было, нас вполне устраивала полная свобода друг друга и друг от друга, и мы не стремились к более тесному сближению. Поэтому и на море я собирался без нее, твердо зная, что при случае она совершенно спокойно переспит с понравившимся ей парнем, невзирая на наши отношения.

Конечно, можно было сегодня уложить Иринку на стол — она снимет юбку и трусики, поднимет ноги, беззаветно подставит мне свое сокровище и даст мне вволю над ним потрудиться. В такие минуты она умела полностью отдаваться своим ощущениям, совершенно не реагируя на шаги в коридоре и прочие шумы. Поэтому и кончала она бурно, и после оргазма несколько минут не могла пошевелиться. Но сейчас я сделал вид, что не замечаю ее призывных взглядов. Билет до теплого Лоо уже лежал в кармане и мне хотелось только одного... войти в купе готового к отправлению поезда, разложить вещи и сесть у окна.

Когда, распечатав последнюю страничку, я откинулся на спинку стула, на часах было уже одиннадцать ночи. На нашем девятом этаже — полная тишина. Я собрал все инструкции, скрепил их степлером, перевязал бантиком, сделанным из одного из купленных пакетов, и положил на стол Панкратыча в самый центр. Настроение поднялось — все же успел. До свидания через две недели, родной отдел, родной Панкратыч, и ты, Иришка. Я выключил свет, захлопнул дверь и пошел к лифту.

Вдруг, пока я ждал лифт, открылась дверь отдела сопровождения и оттуда вышла Катюша. Надо сказать, что мне Катюшка нравилась. Во-первых, она — очень милая девушка, никогда не строит из себя суперкрасавицу, причем, ей удается держать себя и запросто, и с

достоинством, я не видел, чтобы кто-нибудь попытался, скажем, хватать ее за попу. Хотя попа у нее — замечательная! Это была не какая-нибудь попка, а самая настоящая жопа — пышная, красивой формы. Потом, Катюша всегда была одета идеально аккуратно — все у нее всегда было свеженькое, выглаженное, чистенькое. Ее большой бюст всегда был идеально упакован в лифчик. Я бы давно попытался заиметь с ней более близкие отношения, но как-то не получалось — мы работали в разных отделах и общались не часто.

— О, Катюша, ты чего так поздно? Тебя что, тоже припахали?

— Привет, Макс. Перед отпуском наводила порядок. А ты чего так поздно?

— Аналогично! Панкратыч подловил — или инструкции и отпуск, или ни того, ни другого. Куда-нибудь едешь?

— Пока не решила. Может, даже дома останусь.

— Поехали со мной! — сказал я полушутливо.

— Раньше надо было приглашать! — так же ответила она. Мы зашли в лифт. У нас вообще опрятный офис, а сейчас, видимо, поработала уборщица и лифт был идеально вымыт — можно было совершенно спокойно вытянуться на полу, не боясь испачкаться. Я нажал кнопку первого этажа. Лифт тронулся. Всегда, когда остаешься один на один с девушкой в лифте, возникает это настроение — можно подойти, обнять — все равно на сто процентов не увидит никто. Но Катенькины серые глаза смотрели на меня спокойно и доверчиво, без тени какого-либо флирта, и... Словом, пройти разделявшие нас два шага было никак нельзя. Вдруг где-то около седьмого этажа внезапно остановился. Дверь не открывалась, на кнопки не было никакой реакции. Свет не погас, однако, он стал каким-то не таким, в кабине вместо легкого гула лифтовых двигателей установилась мертвая тишина. Это было настолько необычно и неожиданно, что Катя испуганно закричала, вцепившись в мой рукав.

Я, отцепив ее от себя, подошел к двери и стал сильно стучать в нее двумя кулаками...

— Э-гей, кто-нибудь! Выпустите нас из лифта! Лифт остановился, вызовите дежурных! Выпустите нас отсюда! Кто-нибудь, подойдите, пожалуйста!

Похоже, что с таким же успехом можно было взывать из закрытой квартиры к правительству страны. Нас никто не слышал.

В офисе было два больших лифта, вместимостью человек на пятнадцать. Находились они с торцевых сторон довольно длинного здания, а вход располагался в середине фасада. Там же была оборудован стекляшка для дежурных. На таком расстоянии, да еще за закрытыми дверями дежурные слышать нас скорее всего не могли даже ночью, когда в здании была тишина. Я в последний раз саданул ногой в плотно запертые двери. Испуганная Катя смотрела на меня умоляющими глазами, но сделать было уже ничего нельзя. Перспектива была очень веселая — завтра — воскресенье, в офисе не будет никого. Я жил один, меня не хватится никто. Мобильников у нас тогда не было, сообщить о себе было невозможно.

Похоже, ждать придется до понедельника.

— Катюша, а за тобой никто не придет?

— Максик, я живу в общежитии!

— Да-а. Никому мы не нужны.

У Катюшки глаза повлажнели...

— Что будем делать?

— Катенька, остается одно — ждать. Пока — до утра, может, утром достучимся и кто-нибудь нас вызволит. Но скорее всего — до понедельника. Накрылся мой билет на поезд!

— А мы здесь не умрем?

— От голода — не успеем. Да и есть у меня тормозок на дорогу. От холода — тоже, по такой жаре.

— А от отсутствия туалета?

Катя была права. Нужно было что-то придумать.

— Макс, между прочим, я уже хочу писать.

— Да я и сам не прочь бы.

— И куда?

Я тщательно обследовал плинтусы, пытаясь найти такую щелочку, чтобы в нее можно было направить струйку. Но лифт был сделан идеально. Даже под дверь нельзя было пописать — и мне, и тем более ей. Когда-то я слышал о каком-то мужике в Штатах, который застрял в лифте в пятницу вечером, а освободили его в понедельник. На вопрос, что было самым трудным, он ответил, что самым угнетающим делом было отправление естественных надобностей. Наверное, в момент освобождения ему было очень неловко за вид места его заточения — все загажено, обмочено, все воняет, от него самого разит. Что будет, если и мы с Катей так? Ужас! Действительно, можно умереть. Похоже, оставалось одно. Надо только ее уговорить. — Катюша, послушай. Мы, конечно, можем писать прямо на пол, где-нибудь в углу. Но рано или поздно мы замочим весь пол. Во-первых, через некоторое время это все будет вонять и мы с тобой от этой вони никуда не сможем деться. Во-вторых, скоро мы устанем и захотим присесть на пол. И когда мы отсюда в конце концов выйдем, от нас будет разить как от общественного сортира.

Катя вздрогнула...

— Макс, ты скажи, что делать. Представляешь, когда нас откроют, а тут... Я потом сюда не смогу вернуться! Ну говори! Ты что-то придумал?

— Да, кажется.

— Ну говори, не тяни, а то я уписаюсь!

— Остается одно. — Катини милые глазки блеснули надеждой. — Остается одно. Мы будем пить друг у друга.

— Что пить? — растерянно пробормотала Катя.

— Что, что. То самое.

— Но она же... Оно же противное!

— Ты знаешь, — соврал я, — я как-то уже пробовал. Оно — никакое. Нужно только решиться, а дальше будет легко. Люди даже лечатся уриной, есть такая урилотерапия. Да к тому же у нас нет выбора... ее можно или выпить, или вылить на пол.

Соврал я совсем немножко. Я хотя и не пробовал, но действительно читал, что когда люди начинают лечиться уриной, то есть, мочой, они всегда удивляются, что эта жидкость, вызывающая у всех такую брезгливость, оказывается совершенно нейтральной на вкус. И даже запах ее оказывается не таким уж резким и неприятным.

— И как ты себе это представляешь?

— Как... Очень просто. Сначала ты мне пописаешь в рот, потом — я тебе.

Катя явно сомневалась. С одной стороны такое вроде как грязное занятие, а с другой стороны подпирает мочевой пузырь.

— Макс, ты потом никому не расскажешь?

— Можешь рассчитывать на сто процентов.

— Ладно. Только сначала я тебе. А то скоро лопну.

— Хорошо. Только тебе придется снять трусики.

— Ты не возражаешь, если я сниму платье? Не хочу быть помятой, когда нас выпустят.

— Нет проблем!

Катюша сняла и аккуратно сложила в углу легкое платьице, положив его на свою сумочку. На ней были черные трусики и черный лифчик. Она нерешительно посмотрела на меня...

— А как?...

Я достал из сумки купленный матрац, не надувая, разостлал ее на полу, лег на спину...

— Сними трусики и накрой киской мой рот. Писай потихоньку, если надо придержать, я сожму твои бедра, если срочно прекратить — я тебя пошлепаю. Если я тебя поглажу — можешь открыть кран пошире.

Она сняла трусики и стала надо мной. Я даже замер от неожиданности — она была бритая! Аккуратнейшая Катюша выбривала свою киску, всю, даже лобок! Это выглядело настолько завлекательно, что мой член, до этого и так уже подогретый, теперь аж задымился. Но Катя не дала мне полюбоваться, а сразу присела к моему рту.

— Только не забрызгай меня, — пошутил я. — Забрызгаешь — будешь сама вылизывать!

Я руками раздвинул у нее там наружные губы, прижался своими и через нос произнес...

— Угу!

И вот она пошла, эта струйка! Я был счастлив... лежать, прижавшись губами к промежности такой девушки, держать руками ее восхитительную задницу — да за это я готов был выпить два литра ее лимонада! Однако эмоции сразу ушли, пить в такой позиции — это тебе не из стакана. Нужно было не зевать, чтобы не перелилось, и чтобы не закашляться.

Действительно, жидкость на вкус была совершенно нейтральной, немного солоноватой, всем известного неприятного запаха почти совсем не ощущалось. Единственное, что доставляло трудность, то, что ее скопилось довольно много. Представьте, что вам нужно выпить большое количество теплой воды. Я держался руками за пышные Катюшкины булочки и глотал, глотал, пока она не иссякла...

— Все... — прошептала она.

Я не удержался и начал языком вылизывать ее киску между губами. Катя с видимым сожалением оторвалась от меня. На ее лице было написано огромное облегчение, она расслабленно улыбалась и благодарно смотрела на меня...

— Ну что, давай я у тебя?

— Давай. Только... Смотри, чтобы не встал, а то не протечет.

У меня есть свой способ, как незаметно опустить вставший член. Для этого, нужно представить себе что-нибудь противное, отвратительное. Мне это удалось довольно быстро, я встал, снял джинсы и спустил трусы. Катя, к этому времени успевшая надеть свои трусики, стала передо мной на корточки, аккуратно взяла мой член в руку, обхватила губами головку и так же, как я, положила руки на мои бедра и сказала...

— Угу!

Мне удалось начать не сразу. Я не смотрел на Катюшу, иначе от такого зрелища член вскочил бы до подбородка. Наконец, струйка стала находить свою дорогу и Катя начала осторожно глотать. Я открыл кран на полную, она сама регулировала напор, сжимая член рукой. И вот мой пузырь опустел, я сделал несколько сокращений мышц, чтобы выдавить остатки и тоже сказал...

— Все!

Катюша взяла член чуть поглубже, затем, не размыкая губ, вынула его изо рта, приподняв рукой кожицу, так что он оказался вылизанным, и встала на ноги, смущенно улыбаясь. Я натянул трусы и джинсы, обнял ее и крепко поцеловал. На наших губах едва заметно ощущался привкус наших смешавшихся соков, отчего поцелуй был еще пикантнее.

Когда мы оторвались друг от друга, Катя сказала...

— Макс, я умираю — хочу спать. Давай поспим. Надуй свой матрац.

Да, не напрасно я обратил на него внимание в магазине! Он, конечно, был узковат, все-таки предназначался для одного человека. Но мы все же смогли улечься рядышком. Катюшка вдруг села...

— Не могу спать в лифчике!

Она сняла лифчик, так же аккуратно сложила его и положила в угол к своим вещам. Потом снова легла рядом и прижалась ко мне. Одна ее грудь была у меня где-то подмышкой, вторая лежала прямо на мне. От такого ощущения мой член опять вскочил, но Катюшка, накрыв его рукой, прошептала...

— Спи, Максимчик. Без презерватива все равно ничего не получишь! Спи, завтра что —нибудь придумаем...

Как будто бы случилась не неприятность, а наоборот — рядом со мной лежала, прижавшись обнаженной грудью, чудесная девушка. Она посапывала мне в ухо, обняв меня рукой и положивши на меня ногу. С мечтой о завтрашнем дне, уставший, я тоже уснул.

Я проснулся первым. Рука, на которой лежала Катина головка, затекла. Я попробовал чуть-чуть пошевелиться, но Катюша сразу проснулась. Она обняла меня, и первое что она сказала, было...

— Хочу писать!

Она легла на меня, потрогала губами, языком, снова губами мои губы и шепотом спросила...

— Можно?

— Нужно!

Она встала, сняла трусики, и теперь уже не торопясь стояла надо мной совершенно голая, давая мне полюбоваться своей чудесной безволосой киской. Она была приоткрыта, вульва выпирала над внешними губами, на что мой член сразу устремился навстречу. Катенька присела, сама своими руками раскрыла киску прижала ее к моему рту. Теперь она писала не так много, как вчера. Когда она закончила, я снова принялся ее вылизывать, но Катенька уже не торопилась отрываться от моего рта, а наоборот, закрыла глаза и стала постанывать. Я взял руками за ее большие, тяжелые груди, соски сразу набухли. Я посасывал клитор, залазил языком прямо в дырочку, забирал в рот всю вульву и выталкивал ее языком обратно.

Наконец, она задержала дыхание и замерла в одной позе. Я сделал язык широким и мягким и стал лизать как можно более нежно сразу всю вульву. На это Катюша крупно задрожала и со стоном согнулась пополам, совершенно обессиленная. Я лизал все легче и легче, пока она не встала с меня, легла, привалившись ко мне и положив руку на мой вздыбленный член. — Теперь можешь пописать ты.

— Ты думаешь? Посмотри на него, разве сквозь такой что-нибудь протечет?

Катенька улыбнулась...

— Ну, эту проблему я решу легко!

Я понял, что сейчас произойдет. Но я не мог представить, как это будет здорово. Катюша

положила голову мне на живот, взяла член в руку и начала медленно меня мастурбировать. Я закрыл глаза и уже только почувствовал, как она взяла его в рот. Что именно она делала — я не видел. Член у меня не такой уж большой, Катя забирала его в рот полностью, медленно вбирая его и выпуская назад. Губки и язычок ее работали мягко и нежно, а так как я уже со вчерашнего дня был на взводе, то долго ждать не пришлось. Оргазм был таким сильным, что я зарычал и застонал одновременно. Катенька напоследок меня выдоила и высосала досуха. Когда я немного отдохнул, она сказала...

— Вставай, а то пузырек лопнет. — Поднявши и отпустивши пальчиком моего поникшего дружка, добавила... — Теперь протечет наверняка!

Я встал на дрожащие ноги, оперся на стенку. Катя снова взяла член в руку, а ртом обхватила только головку. Я с трудом расслабил мышцы, пережимавшие выход и начал писать ей в рот. Теперь можно было спокойно смотреть, как она это делает. Катенька спокойно регулировала напор рукой и глотала так просто, как будто пила минеральную воду из бутылки. Когда я закончил, она нежно облизала мой член и сказала...

— Ну вот, утренний туалет окончен. Теперь бы позавтракать.

— А эту проблему решу я!

Я достал из сумки копченую колбаску, булочку, завернутую в целлофан и пластиковую бутылку минералки, за что тут же был награжден поцелуем с язычком и хватанием за гениталии. Последнее, впрочем, было безрезультатно, хотя и очень приятно.

После завтрака мы оделись и предприняли еще одну попытку достучаться и докричаться до кого-нибудь, кто мог бы нас освободить. Мы стучали и кричали до тех пор, пока не убедились, что это бесполезно. Наше здание будто вымерло. На этажах не было никого, на проходной нас никто не слышал.

Мы лежали рядышком на матрасе. В лифте была кое-какая вентиляция, поэтому было не очень жарко. Было тесновато и Катя все время старалась часть своего тела переложить на меня — положить ногу, лечь головой на грудь, обнять. Иногда казалось, что лучше бы и не уходить и не стремиться из этого лифта, но я тут же думал, что после него, дома, нам с Катюшей будет еще лучше.

— Макс, а ты ведь был женат? — вдруг спросила она.

— Был, — нехотя ответил я.

— И что?

— Что... Теперь вот нет.

— А почему?

— Сам плохо понимаю. Она, конечно, хороший человек, но мне с ней было как с телевизором. А когда у нее завелся один... В общем, я где-то даже обрадовался.

— А как у вас было в сексуальном плане?

— Да тоже так же. Вроде были оргазмы. Но мне всегда хотелось чего-то не совсем обычного.

— Извращений?

— Да нет. Ну хотя бы вылизать ее, вот как тебя. Или просто снять с нее трусы, когда она сидит на диване, и просто киску посмотреть, потрогать...

— А вместе в туалет сходить?

— Да тоже хотелось.

— А она?

— А для нее нужен был какой-то стандартный секс. Ну, естественно, меня это тоже не

радовало.

— Ты не любишь стандарты?

— Стандарты — это, конечно, хорошо, но если — только стандарты, то можно завить.

Катюша замолчала.

— А я не была замужем. Мужчины, конечно, были. Но, наверное, чего-то во мне не находили.

— Катенька, тебе просто попадались те, для кого ты слишком хороша.

— А ты?

— А я — в самый раз!

— Э, трепло ты! — засмеялась Катька, прижавшись ко мне грудью еще теснее.

От этого мой дружок опять проснулся и начал шевелиться. Катюша нежно его ласкала, но не очень активно, иначе я кончил бы в момент.

— Макс, ну почему же ты не запасся для поездки презервативами?

— Да вот, решил, что не самый важный запас.

— Ах, как зря!

Она наклонилась ко мне и мы начали целоваться. Кому не нравится этот сладостный процесс, когда тебе нежно отвечают ее мягкие губки и в ответ на твое проникновение ее язычок слабо толкается навстречу? Ее большие груди приятно придавливают мою грудь. То я захватываю ее мягкие губки и пытаюсь проникнуть языком куда-нибудь к ее небу, то она перехватывает инициативу и целует меня, от чего я, естественно, не спешу отказаться. Мой член зажат между ее бедер и она водит ими, поддразнивая меня. Я пытаюсь вырваться из этого плена, но она не пускает, прижимаясь ко мне еще сильнее и захватывая мой рот поцелуем. Мои попытки вырваться становятся все чаще, она прекрасно понимает, что если мне дать волю, то я тут же всуну ей до корня и что она сама может прекратить сопротивление. И Катюшка делает сильный ход, против которого я совершенно бессилён... она ложится на меня валетом! Это чудное зрелище! Катькина развернутая попа, между ногами раскрыты и свисают вниз красные сочащиеся губы ее киски, а в центре картины — сморщенный маленький коричневый анус! Когда-то я впервые увидел такое зрелище и был поражен его выразительностью. Все, наверное, из-за его предельной откровенности — видно все, в женской киске свисает клитор и блестит смазкой раскрытое отверстие влагалища, окружающие его внутренние губы пышут жаром и требуют нежной ласки, задний проход, который в обычных сексуальных позах никогда не наблюдается, здесь как бы намекает на то, чтобы ты не забывал и его. Такая откровенность означает еще и полное доверие твоей подруги — вот тебе все, милый, я знаю, ты будешь нежен! Естественно, чистюля Катька не могла не прошептать скороговоркой...

— Пальцы в меня не суй, у тебя руки немытые! —

после чего взяла в оборот моего дружка. Я очень люблю позу 69. С одной стороны, ты не заботишься о том, как там тебе нужно ее трахать. Она все тебе делает сама. Плюс ко всему тебе еще и чудная награда — этот вид! А когда ты начинаешь ее лизать и чувствуешь, как она отзывается на ласку и как она заводится, то и сам получаешь дополнительное наслаждение, стараешься действовать еще нежнее, отчего она опять-таки сильнее тащится. В электронике это называют «положительная обратная связь». И если вы хорошо чувствуете друг друга, то получите очень сильные ощущения. С Катюшкой это у меня получилось сразу. Я только поправил ей ноги, чтобы шире раскрылась ее вульва. Как можно более нежно я прикоснулся к ней губами — Катя вздрогнула. Я начал целовать ее щелку, все глубже проникая в нее языком.

Трудно описать, как это делается. Но судя по тому, что время от времени Катя со стоном замирала и выпускала мой член изо рта, крепко сжимая его рукой, у меня получалось хорошо. Если бы в это время лифт вдруг открылся, мы наверняка бы этого не заметили. Ее клитор увеличился в размерах и его можно было посасывать, затягивая в рот и выталкивая языком. Из дырочки сочилась влага, я дразнил ее губки, я лизал и сосал их то по очереди, то засасывая их обе вместе с клитором. Просунув руки под ее ногами, я взялся за ее пышные груди, отчего ноги раздвинулись еще чуть шире. Ее соски совсем затвердели, я их катал между пальцами, вдавливал внутрь и прижимал через тонкую кожу, оттягивал...

Но вот она выпустила мой член из руки, вобрала его в рот до самого основания и застонала. Такого ощущения я вынести не мог — судорога оргазма охватила все тело, я тоже застонал, мы кончали одновременно, наши тела содрогались, постепенно затихая и расслабляясь. Наконец она выпустила член изо рта, нежно взяла его в руку и, полностью расслабившись, замерла. Я лизал ее мокрую вульву все мягче, нежнее, потом, оторвавшись от нее, нежно гладил руками ее ягодицы.

Она слезла с меня, легла рядом и прошептала...

— Макс, ну почему мы с тобой до сих пор этого не делали?

— Постараемся наверстать?

— Только не сейчас. Я кончила так, что, наверное, неделю не буду ни на что способна.

Катя себя недооценивала. Уже через час мы с ней отличнейшим образом все повторили, на этот раз у нас уже не было ни малейших следов закрепощенности, мы полностью отдавались друг другу и своим ощущениям. Стараться мне, конечно, пришлось побольше, да и ей тоже, но как же мы были вознаграждены!

Потом мы оделись, сложили сумки и снова попытались достучаться и докричаться, но снова без результатов. Когда мы устали, я обнял Катюшу...

— Можно было и не кричать. Ты так стонала, что если бы кто-то мог услышать, он бы уже услышал.

— И что бы он сделал?

— Наверное, вызвал бы милицию. Посчитал бы, что в лифте кого-то пытаются.

Пришлось снова разложить вещи. Мы подремывали, обнявшись, на матрасе, и вдруг Катя села...

— Милый, у меня проблема!

— Что, мой котенок?

— Макс, я хочу какать! В твоей сумке нет горшка?

Я полез в сумку, и мне сразу бросились в глаза пластиковые пакетики. Я дал ей пакет...

— Катюша, делай сюда, потом мы его завернем и положим в толстый пакет с ручками. Это будет не то, что там горшок, а целый туалет!

— А чем я попу вытру?

— А вот салфетки!

— Макс, ты гений. Только ты отвернись.

— И не подумаю. Все равно мы здесь рядышком. Не зажимайся — кряхти, пукай, как будто меня тут нет.

Катя сначала пописала мне в рот, потом присела, надела пакет на попу и начала тужиться.

— Слушай, ты хоть не пялься так!

— Как же мне не пялиться, когда я в жизни такого не видел!

Наконец, ее анус немножко вывернулся и из него поползла колбаска. Вот она оторвалась, и, зашуршав, шлепнулась в пакет. Катя старалась, запах, конечно, стоял еще тот, но я знал, что скоро он выветрится, и что скоро мне, наверное, придется делать то же самое. Но вот она потянулась за салфетками.

— Кать, давай я тебе попу вытру?

— Обойдешься!

Она аккуратно все вытерла, на последнюю салфетку вылила немножко воды из бутылки и влажной салфеткой вымыла все окончательно. Все салфетки сложила в тот же пакетик, тщательно его свернула, чтобы из него не шел запах и положила в пакет с ручками. Еще немножко воды брызнула себе на руки и вытерла их салфеткой. Смущенно улыбаясь, посмотрела на меня...

— Все!

Я не выдержал и полез целоваться, она меня отпихивала, и бормотала...

— Ну, Макс... Ну подожди немного, пусть хоть запах выветрится!

Через пару часов такую же процедуру пришлось проделать и мне. Катя не тарасилась на процесс, как я, но все же иногда посматривала с любопытством. Когда я споласкивал руки, Катя сказала...

— А водичка скоро кончится! Тогда можно будет писать в бутылку!

Вечером мы доели все, что у нас было и легли спать. Из-за скорого освобождения спалось не очень, мы проснулись часов в пять, я пожертвовал Катюшке оставшуюся воду и с восхищением наблюдал, как она при помощи салфеток и этого остатка приводит себя в порядок. Но самое чудное зрелище было впереди... когда вся вода кончилась, Катя сняла трусики, присела, широко раскинула колени, одной рукой раздвинула губки своей киски, другой приставила к ней горлышко бутылки и стала аккуратно писать в нее. Взглянув на меня, улыбнулась...

— Макс, закрой рот, слюна течет!

Промокнула себя салфеткой, бросила ее в наш импровизированный туалет и протянула мне бутылку...

— Хочешь пописать?

Я взял теплую бутылку и с удовольствием опорожнил в нее свой мочевого пузырь. Бутылку плотно закрыл и положил ее в тот же пакет. Мы сложили все вещи, тщательно осмотрели пол лифта — нигде не было ни соринки, ни бумажки, ни каких-либо других следов нашего пребывания здесь.

Мы стояли обнявшись и потихонечку целовались, когда далеко снизу послышался голос какого-то мужика, видимо, из обслуживающего персонала здания...

— Костя, правый лифт не вызывается! Проверь тот пускатель, наверное, опять залип!

Я бросился к двери и уже хотел колотить в нее руками и ногами, но Катя меня остановила...

— Ч-ш-ш! Тихо! Не нужно! Ведем себя, как ни в чем не бывало!

Мы взяли все свои вещи в руки. Через некоторое время в лифте опять что-то изменилось, как будто в него вернулась какая-то жизнь. Я с волнением нажал кнопку первого этажа, лифт спокойно тронулся с места и поехал вниз. Оказывается, огромное счастье можно испытать, когда перед тобой открывается дверь лифта!

Перед входом стоял какой-то мужик, у которого при виде нас со стуком отпала челюсть. Мы с Катей спокойно прошли мимо него, как будто в разгар рабочего дня. Когда мы отошли от него

уже метров на десять, он сумел проговорить...

— Ребята, вы откуда?...

— С одиннадцатого этажа! — ответил я своим самым удивленным голосом.

По-моему он стоял в той же позе еще минут пять. На проходной вахтеры не обратили на нас никакого внимания, там, видимо, была пересменка и они активно обсуждали какие-то свои события. Мы вышли на улицу. Было раннее утро, прохожих было очень мало. Свежий утренний воздух как будто оттенял восхитительное чувство обретенной свободы. Вдруг Катька прыснула...

— Макс, да выбрось ты наконец кулек с дерьмом!

Я только теперь обратил внимание, что бережно несу наш «туалет».

— Что-то урны не вижу...

— Да поставь его под стенку, пока никто не видит. Дворники уберут!

Я аккуратно поставил пакет у стены, взял Катю за руку и мы пошли дальше.

— Куда идем? — спросила она.

— Сначала позавтракаем чем-нибудь горячим, здесь есть круглосуточная кафешка. Потом зайдем в аптеку, а потом — ко мне домой, отоспимся.

— А зачем в аптеку?

— Накупим презервативов. У меня появилось желание тебя затрахать до немоты!

Катька расхохоталась...

— Натерпелся? А знаешь, какое желание у меня? Уложить тебя на дно ванной и описать с головы до ног! Забрызгать!

— Договорились!

Мы долго сидели в кафе, наслаждаясь горячим супом, горячей яичницей, обжигающим кофе да еще и прекраснейшим яблочным компотом, которого выпили, кажется, стакана по три. Из кафе мы шли мимо того места, где мы оставили наш кулек, но вдруг нам преградил дорогу милиционер...

— Ребята, обойдите, пожалуйста по другой стороне улицы!

Наш кулек по-прежнему стоял у стенки, но был огорожен полосатой пластиковой лентой, а вокруг стояли несколько милиционеров! Мы с Катюшкой, чтобы не расхохотаться, отвернулись друг от друга.

— Представляешь их лица, когда они обнаружат, что там?

— Мы сегодня такое лицо уже видели. У того мужика, что у лифта!

Мы с Катюшкой теснее обнялись и пошли к остановке автобуса.

Вместо эпилога.

Надо сказать, что мы с Катюшей в тот день полностью выполнили все намеченное. Первым делом мы забрались в ванну и Катенька уложила меня на дно и долго на меня писала. Ответить я ей не мог — не протекало! Затем мы долго мылись — мылом, шампунями, пенками, каждый себя и друг друга. Потом чисто выбрились — я вверху, она — внизу. Три дня мы вообще не выходили из квартиры — я только один раз сбегал за едой и презервативами, мы трахались, ели и спали. На четвертый день мы съездили за Катюшиными вещами, еще кое-чего прикупили — пригодились полученные отпускные. Словом, через две недели, когда мы вышли на работу, вид у нас был такой, как будто весь отпуск мы занимались активным отдыхом.

На работе меня встретили как ни в чем не бывало. Но Ириша быстро все поняла и уже не

пыталась остаться со мной после работы. Она скоро уволилась, я ее недавно встретил на улице, у нее личная жизнь устроилась и она всем довольна.

Мы с Катюшей вскоре поженились, нашей Дашке теперь уже четыре годика. У нее мамины серые глазки, и когда я прихожу с работы, она с радостным криком прыгает на меня, обхватывает меня ручками и ножками, а я прижимаю ее к себе и тихо млею от счастья. Я все больше люблю мою Катюшу, и меня совсем не тянет на сторону. Она в свою очередь за эти годы ни разу не подала повода для ревности, хотя меня заставить ревновать достаточно легко. В сексуальном плане нам с ней легко и просто, мы можем делать что угодно, лишь бы от этого было радостно. Дашка переняла Катюшину аккуратность, и я всегда теряюсь и не знаю, что ей ответить, когда она смотрит на меня мамиными серыми глазками и говорит с мамиными интонациями...

— Ну когда же это мы уберем у себя на столе!

Только вот... Ну не верю я в то, что нас свел случай! Я думаю, что случайность — это событие, причины которого мы не знаем. И каждый Новый год, когда по телевизору показывают «Иронию судьбы», мы с моей Катюшей обнимаемся и думаем об одном и том же.